

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

И. А. Мясникова

Ирина Мясникова
Переломный момент

«Автор»

2023

Мясникова И. Н.

Переломный момент / И. Н. Мясникова — «Автор», 2023

Прежде чем выпустить Леру в самостоятельную жизнь, мама обеспечила её всем необходимым: квартирой, машиной и хорошим образованием. Лера изо всех сил старается соответствовать маминым высоким стандартам, но получается у неё не очень. Машину пришлось продать, работа ей подвернулась совсем не та, о какой мечталось, более того, у Леры роман с непосредственным начальником. Вот уж этого мама ни в коем случае не одобрила бы. Приходится держать маму в неведении, благо та решила встречать старость в домике у моря. Зато с соседями Лере повезло. Там её всегда выслушают, пожалеют, дадут совет, научат лечить разбитое сердце водкой, снимать сглаз яйцом в мешочек и похмеляться капустным рассолом.

© Мясникова И. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Мясникова

Переломный момент

Всё нижеизложенное выдумано автором от начала и до самого конца.

Все названия имена и фамилии тоже выдуманы, даже улица Рубинштейна выдумана и город Санкт-Петербург ненастоящий, а если кому-то вдруг удастся обнаружить таковой в реальности, то это всего лишь совпадение. Автор заранее извиняется перед всеми, кто себя или кого-то узнал, а также перед теми, кто никого не узнал, а хотел бы.

© Ирина Мясникова, 2023

Глава 1

Опасности пешеходов в зимнее время

– Ну, ты чего тут разлеглась как барыня?

Лера увидела перед собой, склонившуюся над ней небритую мужскую физиономию. Пахнуло перегаром. Лера поморщилась. Ещё секунду назад она лежала и смотрела в сумрачное питерское небо, откуда на её сыпался совсем не сказочный, а вполне себе противный мокрый снег. Такой, какой обычно бывает в Питере в разгар зимы. Он таял у неё на щеках и смешивался со слезами. Конечно, её мысли никак нельзя сравнить с размышлениями Андрея Болконского под небом Аустерлица, но Лере было невыносимо больно и обидно, ведь с утра она собиралась провести сегодняшний вечер совсем иначе. И вот вам, пожалуйста, человек предполагает, а Господь располагает, или вот ещё хорошее: хочешь насмешить Бога поделись с ним своими планами. Планы у Леры были серьёзные. С утра она тщательно уложила волосы, которые сейчас превратились в мокрое чёрт знает, что, принарядилась, нацепила выходные сапоги на шпильках и отправилась на работу, предвкушая вечернее свидание с Игошиным, который отвезёт её сначала куда-нибудь в хороший ресторан, подарит что-нибудь дорогое и блестящее, а потом они поедут к ней домой крутить любовь и всё такое. И момент подходящий, практически канун волшебного Нового года, когда можно заглянуть Игошину в глаза и задать ему главный вопрос, пусть даже и немой. Ну, вы понимаете, о чём мечтают девушки, которые уже не совсем девушки, но ещё далеко не тётеньки и с виду, и в душе. Во всяком случае путешествовать вечером пешеходом, да ещё и в гордом одиночестве Лера вовсе не собиралась. И тем более она не собиралась вот так валяться в зимней грязи на улице Рубинштейна, глядя в небо Аустерлица, пардон, в небо северной как бы культурной как бы столицы.

Этот гад Игошин никуда её не повёз, а вместо этого ближе к концу рабочего дня подкатился с важным поручением. Положил ей на стол папку с документами и прошелестел:

– Лерочка, солнышко, это непременно надо срочно отвезти на Рубинштейна, вот адрес нужного человечка. Он тебя уже ждёт. Туда тебя подбросит Петя, а оттуда ты уж сама как-нибудь выберись, вот тебе денежка на такси.

Он положил на папку пять тысяч. Видимо, эта бумажка должна была, по его мнению, как-то примирить Леру с постигшей её участью. Действительно, доехать на такси от Рубинштейна до её дома вполне можно рублём за триста. Так что оставшиеся четыре сёмсот рассматривались как маленькая премия, оплата сверхурочных, ну, или как чаевые. М-да!

– А Петя сам никак не может эти документы передать? – поинтересовалась Лера, глядя в голубые практически ангельские глаза своего начальника, она уже поняла, что напоминать ему о запланированном на этот вечер свидании бесполезно. Игошин был как раз из той породы людей, про которых в народе говорят, мол, врёт на голубом глазу. Наверное, это помогает некоторым людям достигать успехов в российском бизнесе. А начальник Леры являлся очень успешным бизнесменом.

Да-да, вы ничего не напутали, Лера регулярно вступала в интимные отношения или, как говорится, занималась любовью именно со своим начальником, строила планы, как увести его от жены и организовать с ним крепкую семью, так сказать, ячейку общества со всеми вытекающими. Ведь ещё год-другой и ей станет уже поздно думать о детях. Не то, чтобы ей так уж хотелось иметь этих самых детей, но без них ячейка общества казалась несовершенной, да и женская миссия являлась практически невыполненной. Вот это вот всё: дом, дерево, сын. Это, конечно, у мальчиков, но без девочек им эту программу никак не реализовать. Правда, у Игошина уже был дом, в смысле хорошая квартира в Центре с видом на воду, что для тех, кто понимает, значит очень много, и целый успешный бизнес, который с никаким деревом не

сравнится, у него имелся, но вот сына не было, была дочь, с которой Игошин носился как со своим самым выдающимся достижением, что нестерпимо раздражало Леру. Она подозревала, что именно из-за дочери он до сих пор не сделал решающего шага в нужную сторону.

– У Пети свои задачи, – сообщил Игошин. – Он шофёр, к нужным и очень важным людям шофёров не посылают. А ты не просто передашь бумаги, но и повысишь тем самым мой статус. Когда у руководителя такая помощница, к нему и отношение соответствующее.

Он огляделся по сторонам, откинул в сторону тщательно уложенные Лерой волосы и впился губами в её шею. Руки его стремительно зашарили по её телу. По случаю планируемого свидания Лера надела новое платье, которое обтягивало, подчёркивало и открывало. Надо сказать, что у Леры имелось в наличие то самое, что можно и подчеркнуть, и обтянуть, и продемонстрировать, и что, по мнению Игошина, должно непременно повысить его статус в глазах стороннего наблюдателя. А вот у его жены ничего такого даже в помине не было, поэтому Лера так и рассчитывала на этот решительный шаг с его стороны. Чего тут вообще думать? Даже сравнивать нельзя. Уж повышать статус, так повышать! Ведь у руководителя в первую очередь должна быть соответствующая жена.

Приёмная перед кабинетом Игошина на самое лучшее место для приставаний к секретарше, поэтому эти приставания продлились недолго.

– Я на тебя очень рассчитываю, ты же понимаешь, поторопись, – шепнул он ей на ухо и исчез у себя за дверью.

Лера тяжело вздохнула, скинула офисные туфли, нацепила сапоги, шубу, взяла папку с документами, сумку и выкатилась к машине Игошина во дворе офиса. В машине её ожидал недовольный Петя.

– Ну, а ты чего не рад? – поинтересовалась Лера. – Куда тебя потом отрядили?

– Барыню по магазинам повезу, – буркнул Петя. – Ей присралось. Фигли своего водителя отпустила?

Лера тут же поняла причину, по которой её планы полетели в тартарары, и она разозлилась ещё больше.

До Рубинштейна тащились по пробкам очень медленно.

– Опять какие-то хуи из Москвы пожаловали, весь город стоит, – проворчал Петя.

Эти самые хуи своим присутствием баловали как бы культурную столицу не так уж и часто, но уж если приезжали, то в городе творилось неопишное. Как бы культурная столица весьма устарела и своим масштабом никак не соответствовала московскому размаху. Ей бы предпраздничные пробки пережить, а тут вот, на тебе. Чего, спрашивается, им в своей Москве не сидится, ну, или где там они от народа обычно прячутся?

Петя высадил Леру у требуемого дома, а сам потащился по односторонней Рубинштейна дальше. Тут Лера и оценила все достоинства коммунальных служб родного города. Какая там культурная столица? Обычный Зажопинск с минимальным бюджетом. Весь тротуар знаменитой на всю страну улицы Рубинштейна оказался завален смёрзшимся снегом, между снежных колдобин вилась узкая обледеневшая тропинка. Мысленно проклиная на чём свет стоит как бы губернатора и как бы городские власти, а вместе с ними и Игошина, Лера с трудом доковыляла до нужного двора, там долго звонила в переговорное устройство, наконец, разобралась, как открыть калитку в чугунных воротах, потом уже звонила в переговорное устройство нужного офиса и без происшествий зашла в дверь, за которой должен был бы с нетерпением её ожидать важный и нужный Игошину человек. За дверью оказался небольшой пост охраны со стойкой, где красовался бугай в чёрной униформе и бронежилете, увешанный рациями и ещё какими-то устрашающими приспособами. Этот бугай с индифферентной рожей сразу пожелал забрать у Леры папку с документами, видимо, её внешность, повышающая статус Игошина, не произвела должного впечатления даже на охранника важного и нужного человека. Весь

вид его говорил, мол, и не таких видали. Тут раздражённая и злая Лера заявила, что ей велено передать документы лично в руки.

– Тогда ждите, – сказал охранник и уставился в монитор на стойке.

Лера огляделась по сторонам. Присесть оказалось некуда. Интересно, сколько ей ещё придётся тут так простоять? Может быть, стоит дать заднюю и отдать документы бугаю?

– Вы не подскажете, сколько мне ещё ждать? – спросила она его и демонстративно посмотрела на часы.

Бугай пожал плечами.

Лера подошла к стойке и опёрлась на неё локтем. Так было полегче стоять на шпильках. Ведь парадно-выходные сапоги предназначались исключительно для транспортировки их обладательницы на автомобиле и прохода от машины до ресторана желательно по ковровой дорожке.

– Отойдите, – строго сказал бугай. – Не положено.

Лера отошла к стенке, но прислоняться к ней не рискнула, у неё, в конце концов, слишком дорогая шуба, чтобы в ней, где попало, стенки обтирать. Она достала из сумки телефон и попыталась соединиться с Игошиным. Соединение полностью отсутствовало, интернет тоже.

– У вас тут связи нет, – сообщила Лера бугаю.

– Нет, – согласился бугай.

– Я тогда выйду позвонить.

– Пожалуйста. – Он нажал какую-то кнопку, и входная дверь зажужжала.

Лера выкатилась на улицу и позвонила Игошину.

– Я могу отдать документы охраннику? – спросила она начальника, как только тот ответил на звонок.

– Нежелательно, – сказал Игошин.

– Тогда позвони этому важному хрену, которому они срочно нужны, пусть оторвёт жопу, выйдет к посту охраны и заберёт их у меня.

– А что за тон у тебя, солнышко? – поинтересовался Игошин.

– Обычный тон для человека, который не нанимался стоять в предбаннике неизвестно сколько, пока к нему соизволят выйти. Если в течение десяти минут не появится, оставляю охраннику и ухожу, – рыкнула Лера и нажала отбой.

Она вернулась на пост охраны, где ничего не изменилось, и задумалась, смогла бы она так рычать на начальника, если бы не имела с ним никаких таких отношений? А с другой стороны, стала бы она работать на начальника, который использует её в качестве курьера? В её обязанности такое никак не входит. И в очередной раз Лера решила нынче же вечером приступить к поиску новой работы. Вот пусть этот гад повернется без неё, может, тогда станет решительнее. Поймёт, что она незаменима во всех отношениях.

Вскоре в предбаннике появился невзрачный низенький мужичонка с рыбьими глазами.

– Вы от Игошина? – спросил он, окидывая Леру оценивающим взглядом.

Можно подумать, что в помещении был ещё кто-то кроме Леры и охранника. Действительно, трудно спутать.

– Я, – подтвердила Лера и протянула ему папку с документами. От взгляда рыбоглазого ей стало не по себе, даже затошнило слегка.

Он взял папку и сказал:

– Свободны.

Лера захотела дать ему по башке, благо рост и шпильки ей позволяли, однако не стала этого делать, ввиду наличия у данного прыща такого здоровенного бугая в охранниках.

– Вот спасибо, – сказала она, собрав весь сарказм, какой только оказался у неё организме на тот момент. – Дверь откройте, – велела она бугаю.

Дверь зажуужала, и с гордо поднятой головой «Элвис покинул здание». На улице за это время произошли изменения, видимо, дали потепление и сверху посыпала мокрая гадость. Чертыхаясь, Лера выбралась со двора на Рубинштейна и попыталась вызвать такси. Ха, ха, ха и ещё раз ха! Свободных машин поблизости не оказалось и в ближайшее время они не планировали там появляться. Лера поняла, что ей ничего не остаётся, как тащиться в сторону метро, и она опять поковыляла на шпильках по обледенелому тротуару. Но власти города замыслили против Леры недоброе не только, когда перестали убирать улицы от снега. Специально для тех, кто успешно миновал обледенелые колдобины, были устроены засады в виде мраморных вставок в гранитной облицовке тротуара. Очень красиво и очень скользко. Вот на этакой мраморной красотище Лера и разлеглась разглядывать собственное небо Аустерлица. Небо, в свою очередь, чихать хотело на Леру и её проблемы, вернее не чихать, а плевать, потому что мокрый снег напоминал именно плевки.

– Хватит валяться, женщина, вставай, а то отморозишь себе всё, будешь в штаны писать, – не унимался небритый мужик, разглядывая её сверху.

Лера на всякий случай прижала сумку к себе покрепче.

– Эй, пацан, иди сюда, помочь надо, видишь, женщине плохо, – позвал он кого-то.

– Мне очень плохо, – согласилась Лера.

Над ней склонилось второе лицо, весьма румяное, гораздо моложе и симпатичней первого. Оба товарища бесцеремонно подхватили её подмышки и поставили на ноги. Лера взвыла от пронзительной боли и чуть опять не грохнулась обратно. Она повисла на небритом мужике и поджала одну ногу. Румяный молодец благополучно растворился в набирающей силу метели.

– Ну что за молодёжь пошла, – проворчал небритый ему вслед. – Погоди, женщина, постарайся меня не уронить. Да не нужна мне твоя сумка, не волнуйся! – Он полез в карман куртки и достал телефон.

– Степаныч, ну ты где? – поинтересовался он у кого-то, ответившего на его звонок. – Ага, понял. Я тут с одной женщиной застрял, стою в обнимку, сразу увидишь. Да не реви ты, – сказал он Лере, – сейчас порешаем.

Лера действительно уже ревела, не стесняясь, от адской боли в ноге. Ей даже было наплевать, что мужик этот подозрительного вида в чёрной вязаной шапке по самые глаза мало того, что воняет как огнедышащий дракон, так ещё и ухватил её отнюдь не деликатно и целомудренно.

Вскоре у тротуара остановилась машина.

– Вот и Степаныч, пошли, – скомандовал мужик. – Обними меня за шею и прыгай. Ты ж не в обе ноги раненая? Или в обе?

– В одну, – провыла Лера.

– Уже радость. – Мужик крепко обнял её, потащил к машине и запихнул на заднее сиденье безо всяких там политесов, ещё и за попу подтолкнул.

– Здравсьте, – поздоровался с Лерой пожилой мужчина за рулём.

– Здравствуйте, сквозь слёзы, – сказала Лера. – А вы куда меня везёте?

– Как куда?! – сказал небритый, плюхаясь на пассажирское сиденье рядом с водителем. – В притон, конечно. Будем надругиваться. – Он потёр руки. – Степаныч, где у нас ближайший притон? Тьфу, травма. У женщины, похоже, перелом конечности.

Несмотря на пробки, к травматологическому пункту подъехали довольно быстро. Этот Степаныч в отличие от Пети ехал явно не по принципу: «солдат спит, служба идёт». С трудом выгрузили Леру из машины, она опять повисла на небритом, и он потащил её вовнутрь. Народу внутри оказалось много. Ещё бы! При такой уборке тротуаров травмпункты должны располагаться на каждом углу. Мимо потерпевших страдальцев с сосредоточенным видом и очень злыми лицами сновали деловые врачи.

– Доктор, – обратился небритый к очередному, проходящему мимо врачу. Одной рукой он крепко прижимал к себе Леру, а другой протягивал доктору пятитысячную купюру. – Тут женщине срочно помощь нужна, видишь, она артистка, ей на поезд надо успеть.

Врач огляделся по сторонам, купюра молниеносно исчезла, как растворилась.

– Следуйте за мной, – скомандовал он и понёсся по коридору. Небритый поволок Леру следом. Оказалось, что следовали они к рентгеновскому кабинету мимо длинной очереди страждущих. Перед кабинетом велели снять с Леры шубу и сапог. Небритый с удовольствием разглядывал её платье и очень осторожно стащил сапог с больной ноги. Лера при этом охала, стонала и подвывала.

– Женщина, ты явно не боец, не ной. А если б ты везла патроны? – Небритый, похоже, издевался.

Далее выяснилось, что у Леры, действительно, перелом, и в сопровождении всё того же счастливого обладателя пятитысячной купюры небритый, грузёный шубой, сумкой и сапогом поволок Леру накладывать гипс. В процессе наложения гипса, не забывая заботливо придерживать Леру за талию, он явно с удовольствием рассматривал её голую загорелую ногу и свежий педикюр, ведь с больной ноги врачу пришлось срезать колготки. Когда с гипсом было покончено, стал вопрос, как транспортировать пострадавшую дальше с практически босой ногой.

– Доктор, будь другом, дай мешок полиэтиленовый и бинтик, – попросил небритый у врача.

Доктор не стал жадничать, покопался в шкафчике, и выдал просителю требуемое. Спутник Леры стянул с головы шапку и оказался абсолютно лысым, вернее круглая башка его, в отличие от физиономии, была чисто выбрита.

– Что? – спросил он, увидев удивлённый взгляд Леры. – Честная причёска.

Шапку он надел Лере на ногу, сверху напялил полиэтиленовый мешок и примотал это всё бинтом к гипсу.

– Женщина, за шапку ответишь, – строго сказал он Лере, надел на неё шубу, тщательно застегнул все пуговицы, взял подмышку второй сапог и потащил Леру к выходу.

Лере укололи обезболивающее, и запах его перегара, на который она до того уже не обращала особого внимания, стал просто невыносим.

– Можно вас попросить дышать в сторону, – сказала она своему спутнику.

– Какие мы нежные! – Он остановился и внимательно посмотрел на Леру. Без шапки с лысиной во всю голову он выглядел гораздо приличней, глаза у него оказались болотного цвета и чрезвычайно наглые. – Может, я поставлю тебя тут у стеночки да пойду? А ты дыши свежим воздухом, наслаждайся, сколько влезет.

– Извините, – Лера потупилась.

– Не извиню. Шапку жалко, а то бы бросил. – Он позвонил Степанычу, и тот вскоре подъехал к травмпункту.

До Лериного дома ехали в молчании.

– А у тебя тут прилично, – сообщил небритый, когда остановились у мраморного подъезда.

Тротуар перед подъездом, в отличие от улицы Рубинштейна, был как следует вычищен. Разумеется, его же не городские коммунальные службы чистили, а дворник, работу которого оплачивали все проживающие в двадцати квартирах Лериного, действительно, весьма приличного дома. Проживающие в доме и в лицо знали этого дворника, и жену его, которая мыла в парадной полы и лестницы, тоже знали в лицо.

Небритый смотрел на Леру выжидающе, мол, покаталась и хватит, убирайся восвояси.

– А вы мне ещё немножко не поможете? – жалостно попросила Лера.

– Я думал, ты мамок-нянек позовёшь.

– У меня нету, – Лера растерялась и чуть опять не разревелась.

– Эх, – небритый тяжело вздохнул и вылез из машины.

До подъезда доскакали резво, далее в том же темпе миновали мраморный холл, чувствовалось, небритому не терпится поскорее избавиться от Леры. Конечно, небось трубы горят, новую дозу требуют. Или как там у них, у алкашей принято?

– Хорошо хоть лифт есть, – сказал он, запихивая её в кабину. – Одна что ли живёшь?

– Да, – призналась Лера.

– Это правильно.

В прихожей он снял с неё шубу, сам скинул кроссовки и стремительно прошёлся по комнатам, вернулся с барным стулом из гостиной, усадил на него Леру, стащил со здоровой ноги сапог и приступил к вызволению своей бесценной шапки.

– Неплохо тут у тебя, – сказал он, добыв шапку и напялив её обратно на лысину. – Ну, что? Может ещё помощь нужна? Всё остальное снять, к примеру. Это я запросто. – Он очень недвусмысленно, нагло ухмыльнулся.

– Нет, спасибо. – Тут Лера испугалась. Действительно, она одна, можно сказать, беззащитная, с ногой в гипсе, самое то, чтобы надругиваться, как он говорил.

– Ну тогда бывай. – Он исчез за дверью.

Тут Лера сообразила, что не компенсировала ему пять тысяч рублей, которыми он мотивировал доктора в травмпункте. Ей стало неудобно. Странный тип. С лица выглядит как забулдыга, такому в самый раз предложить за старания денег на опохмелку, однако язык бы не повернулся. Одет он вроде прилично, кроссовки дорогие, носки не рваные, да и машина со Степанычем при нём, кстати, что за машина Лера толком и не разобрала, но весь он какой-то помятый, неухоженный. Да и плевать, Лера видит этого человека первый и последний раз в жизни, вот только с деньгами очень некрасиво вышло, тем более, что у неё в кошельке как раз пятёрка, щедро выданная Игошиным на такси. Тут Лера вспомнила про Игошина. Вот, кто во всём виноват! Ну пусть теперь хотя бы в эти горячие предновогодние деньки, когда в офисе царит дурдом и напряжение, попробует обойтись без неё. Лера достала из сумки телефон и нажала на вызов номера начальника.

– Слушаю вас, Валерия Сергеевна, – по-деловому предельно вежливо ответил Игошин, и Лера сразу догадалась, что он разговаривает в присутствии своей бесценной супруги. – Вы передали документы?

– Разумеется, – Лера постаралась сдержаться, чтобы не вывалить ему всё, что она думает про того типа, которому возила документы, и про него самого, и про его жену, особенно про неё. Сидит, небось сейчас с этой жирной коровой в том самом ресторане, куда собирался вести Леру, и дарит ей что-нибудь красивое и блестящее! Хотя блестящее он ей наверняка подарит на Новый год, под ёлочку положит. Это Лере надо всё заранее дарить, она же будет одна в Новый год куковать, причём без ёлки. Зачем ей, спрашивается, ёлка? Она же не маленькая девочка. Она девочка большая, самостоятельная, ей и так сойдёт. Лере стало себя жалко, но она понимала, что жена Игошина сейчас вытянула свою жирную шею и прислушивается к каждому её слову. В телефоне Игошина прекрасный микрофон.

– Я завтра на работу не приду, – сообщила она начальнику. – У меня по вашей милости травма производственная, перелом ноги. Могу рентгеновский снимок вам выслать и справку.

– Мне не надо, в службу персонала всё пришлите. Надо же, какая неприятность. Как же мне теперь быть ..., – он, явно, растерялся и призадумался.

– Вам как быть? Это ж я ногу сломала, а не вы.

– Примите мои искренние соболезнования, – спохватился Игошин. – Завтра мы кого-нибудь обязательно к вам направим.

– Зачем?

– Но как же?! От организации положено при несчастном случае помогать сотрудникам. Может быть, вам что-то нужно из лекарств?

– Не знаю. Я ещё не поняла, у меня стресс.

– Поправляйтесь. Примите что-нибудь успокоительное. – Он нажал на отбой.

«Вот же сволочь!»! – подумала Лера, ещё бы слабительное принять посоветовал. А если ей прямо сейчас есть совсем-совсем нечего и нужны костыли? Знает же, что она одна-одинёшенька, и никто на помощь не примчится. Кстати! И вправду, а как у неё со жратвой? Она же сегодня с ним в ресторан собиралась, а на новогодние закупки планировала завтра с Петей в середине дня вместо обеда сгонять. Как назло, тут же страшно захотелось есть.

Лера поскакала в гостиную к холодильнику. Нельзя сказать, что там по полкам совсем уж сквозил ветер, «три корочки хлеба» присутствовали, но Лера всё равно вспомнила бабушку. Бабушка бы сейчас её накормила и пожалела. Но бабушке не позвонишь, нету уже у Леры никакой бабушки, а маме звонить бесполезно. Мама, сколько Лера себя помнила, всегда занята. Даже сейчас, когда она как бы вышла на пенсию, устроив себе безбедную старость на берегу моря в Болгарии, она постоянно чем-то занята, от чего её вечно отвлекает Лера бестолковыми звонками. Разумеется, маме до старости так же далеко, как до Луны, она вечно молодая, а теперь в домике у моря и вовсе только молодеет. Интересно, чем она всё же там занимается? Сама Лера себя в Болгарии всегда чувствовала чужой и никогда не понимала, чего хорошего мама там нашла. Еда там вкусная, жизнь сравнительно дешёвая, но деревня, она деревня и есть. Конечно, ведь там нету никакой улицы Рубинштейна, а главное нет этого гада Игошина, но, с другой стороны, там нет и гололёда, и небо не плюётся в тебя всякой пакостью, а уж господам из Москвы там пробки устраивать совсем не с руки. Это, согласитесь, существенный плюс.

Однако поздно вечером, уже забравшись в кровать, Лера не удержалась и поинтересовалась у мамы в ватсапе, как обстоят её дела. Мама тут же ответила видеозвонком:

– Что происходит? – строго спросила она.

– Ничего не происходит. Всё хорошо! – тут же бодро отрапортовала Лера, устыдившись своей слабости. Мама слабостей не приветствовала и осуждала. – Просто соскучилась.

Однако сообщение о том, что она соскучилась, мама, явно, посчитала ничем иным как проявлением той самой слабости, после которой дети начинают хныкать и проситься на ручки. Лера с первой же секунды их разговора уже тысячу раз пожалела, что его затеяла. Хорошо, хоть сломанная нога скрывалась вне предела видимости камеры смартфона, а то бы Лера сейчас получила строгий выговор, ведь по мнению мамы она всегда сама виновата в своих неприятностях. Да и не только Лера. Мама считает, что каждый человек творец своего счастья и несчастья. Или кузнец? Без разницы.

– Выглядишь отвратительно, брови как у Гюльчатай, – констатировала мама. – Нельзя так распускаться. Молодость не индульгенция, чтобы за собой не следить. И что за бардак у тебя на голове?

– Мокрый снег, – честно доложила Лера.

– А что ты делала без машины под мокрым снегом? – удивилась мама.

– Так получилось, – наврала Лера.

Не признаваться же, что она уже давно продала купленную ей мамой машину, посчитав более выгодным использование такси. Ведь, и правда, не надо мучиться с парковкой, тратиться на бензин, техобслуживание, страховые полисы и транспортный налог. Свистнула молодецким посвистом в Яндекс или Убере, и машина у подъезда. Ещё и парковочное место в подземном паркинге её замечательного дома можно сдать в аренду соседям, которым статус не позволяет на Уберах кататься. Паркинг строился из расчёта: одно машиноместо на квартиру, а в квартирах проживают в большинстве случаев не по одному автолюбителю.

Деньги от продажи машины Лера положила на депозит в банке, процентами от депозита и арендной платой за машиноместо она оплачивала коммунальные услуги и очень собой гордилась. Однако мама подобного поведения точно не одобрила бы. Мама всегда права, об этом ярко свидетельствуют как сломанная нога Леры, так и бардак у неё на голове. Всё это звенья

одной цепи. Конечно, на машине ногу не сломаешь и причёску не испортишь, но зато ведь и на Рубинштейна не припаркуешься. Хотя это всё жалкие оправдания. Маму бы никому и в голову не пришло посылать с документами куда-либо. Мама сама, кого хочешь, куда хочешь, пошлёт.

– Вечно у тебя всё само собой получается без твоего участия. – Мама смотрела сурово. – А если действительно соскучилась, так приезжай, я, наконец, сделаю из тебя человека. Доведу начатое дело до победного конца.

– Как же я приеду? Ты забыла, что у нас тут транспортная проблема?

– Ах да, вы же там в кольце врагов отстреливаетесь во все стороны, чтоб на вас вдруг не напали. – Мама приподняла левую бровь. При этом лоб её удивительным образом остался гладким, без каких бы то ни было признаков морщин.

– Мама! Но уж в этом я точно никак не виновата, это без моего участия происходит, именно, само собой.

– Да что ты говоришь! И чего же ты ждёшь? Ужасного конца или ужаса без конца? Все нормальные люди уже уехали.

– Ты не понимаешь, у меня тут вся жизнь, работа.

– Работа? Не смей меня. Неужели тебе так нравится работать секретаршей? Ещё курьером можно, тоже хорошая работа.

– Я не секретарша, а помощник руководителя, есть разница. – Лера надулась, хотя понимала, что и тут мама опять права. Разница между секретарём и помощником руководителя символическая, такая же как между службой персонала и отделом кадров.

– Ха-ха-ха! Мне надоел этот беспредметный разговор. Ты непонятно почему ноешь, а я тебя уговариваю за всё хорошее, против всего плохого. – Мама нажала отбой и её вечно молодое прекрасное лицо растаяло в недрах интернета.

Лера расстроилась. Вот так всегда! Никогда не позвонит, не спросит, как дела, не пожалеет, по головке не погладит. Ну, ладно раньше, когда мама вся была по уши в своём бизнесе и отдала воспитание Леры полностью на откуп бабушке, но сейчас-то? Ведь ни бизнеса, ни бабушки нет и в помине. Хотя насчёт бизнеса нельзя быть уверенной, мама обычно везде находит себе какой-то дополнительный заработок, она так устроена. Лера с бабушкой всегда старались не беспокоить и ничем не огорчать главу семьи и свою кормилицу: ни болезнями, ни плохим поведением, ни неуспеваемостью. Бабушка всегда говорила, что у мамы тяжёлая, практически мужская жизнь, поэтому ей надо помогать и всячески поддерживать.

– Даже когда у неё стеклянные глаза? – спрашивала Лера, которая очень не любила этот материнский взгляд. Создавалось ощущение, что мама смотрит мимо тебя, как бы насквозь. Вроде бы и глядит, да ни капельки не видит.

– Особенно в эти моменты, – отвечала бабушка. – Такие глаза у людей бывают в минуты тяжёлых испытаний. Большие деньги – это всегда большая ответственность. Деньги никому легко не даются.

– Как же никому, а вора и коррупционерам? – Лера была продвинутым подростком и вместе с бабушкой читала «Новую газету», а также слушала «Эхо Москвы». Из прочитанного и услышанного следовало, что воры и коррупционеры живут припеваючи, и если ты не дурак, то будешь брать с них пример.

– И даже вора и коррупционерам деньги всегда выходят боком, особенно им, их же все ненавидят, и они за это платят своими несчастьями и болезнями.

– Точно знаешь? – усомнилась Лера.

– Точно, так работает коллективное бессознательное, – сказала бабушка и привела несколько убедительных примеров, после которых Лера решила, что в коррупционеры, пожалуй, не пойдёт, себе дороже.

Мама в отличие от воров и коррупционеров именно зарабатывала свои очень приличные деньги, причём бизнес, который позволял ей это делать, она создала самостоятельно в

лихие девяностые с нуля и практически этим бизнесом только и жила. Про личную жизнь мамы бабушке с Лерой было ничего не известно. Лера думала, что так будет всегда, то есть мама будет наслаждаться бизнесом, а Лера и бабушка будут любить друг друга. Однако бабушка умерла, а мама вдруг всё продала со словами «что-то вечер перестает быть томным», купила квартиру в этом вот очень приличном доме, оформила дарственную на Леру, пропела «вихри враждебные веют над нами, тёмные силы нас злобно гнетут» и с оставшимся капиталом уехала в Болгарию, где давно построила «домик в деревне» на берегу моря. Лера в тот самый момент заканчивала учёбу в высшей школе экономики и менеджмента при университете, поэтому вопрос о её отъезде вместе с матерью не стоял. Мама надеялась, что, окончив учёбу, Лера с её дипломом сможет устроиться на работу где-нибудь в Европе, а лучше всего именно в Германии, где проходила стажировку на третьем курсе. Ну, а если не сможет, то всё необходимое для хорошего старта на Родине у неё имеется.

– Лера, ты уже взрослая, я тебя обеспечила прекрасным жильём, надёжным автомобилем и самым лучшим образованием в Питере, теперь всё в твоих руках, – сказала мама перед отъездом. – Но, знай, в моём доме для тебя всегда есть место. Правда, жить придётся по моим правилам.

Можно подумать, что Лера когда-то жила не по маминым правилам? Она даже и сейчас старается. Разумеется, получается у неё из рук вон плохо. Мамины надежды она, прямо скажем, даже близко не оправдала. Какая там Германия?! Кто там её ждёт в этой Германии? Там своих таких умников полно с немецкими дипломами. И вообще, это же страшно приехать вот так в Германию, здарсьте, никого там не зная, и ничего не понимая в тамошних законах. Опыт, который она приобрела в Германии во время стажировки, касался исключительно вопросов аренды недорогого жилья. Даже счёт в банке ей тогда организовывала мама. Конечно, во время стажировки Лера отполировала свой английский и худо-бедно подтянула немецкий. Вот и всё. Она решила, что с таким солидным дипломом как у неё, а также со знанием двух языков, можно неплохо устроиться и в Питере, благо в городе тогда ещё было полно иностранных компаний. Но она же не виновата, что и в Питере для выпускниц с дипломами по международному менеджменту со специализацией в маркетинге работа оказалась только одна, а именно: секретарская. Вот если б она выбрала специализацию по финансам, то можно было бы ещё устроиться куда-нибудь в бухгалтерию или операционисткой в банк. Конечно, мама по старым своим связям могла бы её куда-нибудь пристроить, но обращаться к ней за помощью Лера поначалу не хотела, чтоб не огорчать, а потом у неё закрутилось всё с Игошиным, и карьера как таковая перестала её особо волновать. Её волновал только Игошин, и соответственно вопрос, когда он, наконец, уйдёт от своей коровы, чтобы жить с прекрасной Лерой долго и счастливо.

Лера ворочалась, пытаясь заснуть, сломанная нога противно ныла, из головы не выходили мамины слова. Мамы они такие, даже на расстоянии в тысячу километров могут разглядеть суть проблемы и испортить ребёнку настроение окончательно. А суть состояла в том, что Лера самая настоящая неудачница. И нету у неё никакой стоящей цели в жизни, кроме как охмурить Игошина так, чтобы выйти за него замуж. Тоже мне цель! Курам на смех. В такой цели маме не признаешься, не объяснишь, почему она так цепляется за эту свою никчемную жизнь в суровом городе, который плюётся сверху в прохожих всякой дрянью.

Глава 2

Прелести иностранного гражданства

Накануне Валера набухался с Лёхой. Вернее, не совсем накануне, пили всю ночь, а уже на следующий день до вечера отсыпались. Лёха отличался тем, что мог пить всё подряд в любое время суток и в любой ситуации. Наверное, если его привязать вверх ногами к потолку, то он и в этом положении набухается. Главное, чтоб не забывали наливать. А ещё Лёхой он числился всегда, несмотря на свой солидный возраст, и останется он таким вот Лёхой скорее всего лет до ста. Он сразу представлялся незнакомым людям Лёхой, даже если это были люди важные или высокопоставленные, и разговаривал со всеми исключительно на ты. Валера, надо сказать, иногда неосознанно перенимал вот эту Лёхину развязную манеру общения, особенно если до того долго с ним общался. Такой уж он был этот Лёха, противоречивый и в целом неправильный, даже где-то и вредный для общества, но почему-то хотелось ему подражать.

В своё время Лёха научил Валеру всему, можно сказать, вывел в люди, но он же его из этих людей и вывел, когда Валера досконально прочувствовал бизнес и необдуманно решил отпочковаться в собственный. Конкуренции со своими Лёха не терпел, ему хватало и чужих, так что он решительно выпер Валеру из бизнеса и вообще из Питера. Надо сказать, что сделал он это практически нежно, по-свойски, ведь мог бы и отжать всё, что у Валеры к тому моменту было, или того хуже, если уж не закопать, то посадить запросто. Вон сколько таких случаев, как говорится, ничего личного, только бизнес. Возможности у Лёхи и для того, и для другого тогда имелись практически безграничные. Так что Валере пришлось возвращаться обратно на родину в глубины Казахстана практически на самом пороге получения вожделенного российского гражданства. Как в последствие оказалось, что ни делается, оно, и правда, к лучшему. Сейчас его казахский паспорт весил, пожалуй, весьма даже неплохо.

Но это сейчас, а в те времена Валера сильно приуныл, вдобавок от него ушла жена и, соответственно, забрала сына. В её планы не входило прозябание не то что в Петропавловске или Алматы, но и в Астане. Тем более в Астане. Тоже мне нашли столицу Целиноград! Жена требовала уж если не Москвы, то хотя бы Питера с театрами и выставочными залами, с частным садиком для сына и прекрасной квартирой в Центре у Таврического сада. А раз уж он всего этого её лишил, то она потребовала в качестве компенсации денег, которые любезно не отжал у Валеры Лёха. Добро бы денег требовала только его жена, но их требовали и её родители, а родители у жены были очень непростые, влиятельные, так что пришлось откупаться и срочно разводиться, так как свекровь уже подыскала Валериной жене подходящего нового мужа.

В результате Валера оказался практически у разбитого корыта, за исключением того, что он прекрасно знал все тонкости бизнеса, которому его обучил Лёха. С учётом того, что в плане построения капитализма в отдельно взятой стране Казахстан сильно отставал от имперского соседа, у Валеры оказались неоспоримые преимущества, он уже знал и понимал: что будет, что надо делать, и чем сердце успокоится. Конечно, на его казахской Родине существовали свои особенности, а Валера к тому же ещё и не принадлежал к титульной нации, то есть не имел за спиной никакого даже самого завалящего клана. Сами понимаете, после отделения от империи чужие тут не шибко ходят. Зато у его давнего школьного товарища Алихана имелось всё необходимое: и подходящая национальность, и очень даже приличный клан, и отличное бизнес-образование, полученное в Москве. Алихан в тот момент маялся неприкаянный, не зная, куда приложить свои знания. Выучить-то его выучили, а вот отправить на работу куда-нибудь в Лондон силёнок не хватило, местный бизнес находился в зачаточном состоянии, и компетенции Алихана были для этого бизнеса более чем избыточны. Валера подучил матчасть, в смысле изучил специфику законов вновь обретенной Родины, убедился, что в отколовшемся

сателлите система оказалась та же, и ввёл Алихана в дело в качестве партнёра. Однако, учитывая негативный опыт Лёхи со своим собственным обучением, он не стал посвящать Алихана во все тонкости бизнеса, определив того на руководство персоналом, юристами, хозяйственные и организационные вопросы. Менеджер из Алихана получился великолепный, связи у Валеры с поставщиками остались обширные, заказчиков в Казахстане хватало с избытком, рынок с Питерским особо не пересекался, транзитные поставки никого не волновали, поэтому когда Валера опять нарисовался в Питере, никаких претензий у Лёхи к нему не возникло, подходы к органам Валера знал и умел их осуществлять, потекли денежки, клановая крыша осталась довольна, но и на сам бизнес особо не претендовала, понимая, что без Валеры он просто накроется. Открыли представительства в Питере, Алматы и Гуанджоу. Алихан очень хотел, чтоб и в Москве, но Валеру Москва раздражала, и он посещал ее только наездами в случае крайней необходимости, а большую часть времени проводил в Питерском филиале. Чего греха таить, Валера испытывал к суровому городу нежнейшие чувства. Вот как влюбился в него, приехав поступать в университет, так и не смог больше выбросить его из своего сердца. Только в Питере он чувствовал себя дома.

После развода с женой серьёзных отношений с женщинами он не заводил, проститутками, в отличие от всеядного Лёхи, брезговал, в Питере довольствовался мимолётными знакомствами, причём долго раздумывал, стоит ли вообще связываться. А в моменты посещения Астаны встречался с Альбиной, муж которой постоянно находился в экспедиции где-то «в полях», раскапывал что-то то в Китае, то в Монголии, то в самом Казахстане. Альбина преподавала английский в университете, растила двоих детей и уходить от мужа не собиралась, на Валеру никаких планов не строила, что его очень даже устраивало. Свидания с Альбиной для обоих являлись маленьким праздником. Вероятно, и встречи Альбины с мужем радовали её не меньше. Валеру такие вахтовые отношения ни капельки не смущали. Это было очень удобно, ведь они с её мужем редко совпадали во времени и в пространстве.

Вернувшись в Питер с собственным филиалом, Валера с удовольствием со стороны наблюдал за переделом питерского рынка, до которого, наконец, добралась всепоглощающая корпорация. Сначала подмяли под себя главного Лёхиного конкурента, можно сказать, без штанов в Африку пустили, потом принялись подчищать более мелкую рыбу вокруг. Лёха поначалу даже обрадовался, так как многие клиенты конкурентов потекли к нему вместе со своими деньгами, но потом быстро сообразил, что скоро корпорация явится и за ним. Лёха ведь далеко не дурак. Он принялся спешно раскладывать бабки по разным корзинкам, вкладывать их в недвижку, торговлю бытовой техникой, мебельную фабрику, короче, во всё что под руку подвернётся, даже фитнес-клуб и загородный пансионат купил, но в результате сильно матерился по поводу сплошных убытков от всего этого говна. Конечно, он ведь давно привык к серьёзной прибыли, а тут какие-то семь процентов в лучшем случае, да ещё головняк сплошной. Но самое главное, что Лёха сделал, это сам нашёл себе серьёзную крышу из рядов корпорации и передал туда основную часть своего бизнеса, оставив за собой самую рисковую, чёрную и сладкую. Надо же как-то развивать и подпитывать купленное второпях бизнес-говно.

К Валере корпорация не лезла, зачем? Он им не конкурент, а местами даже и вовсе заказчик. И вообще, везет себе человек транзитом мал-мала в свою жопу мира. Надо же людям и из Европы как-то товар возить, ведь не Китаем единым жив казахский потребитель. Это в корпорации хорошо понимали, однако, несмотря на объем рынка, Казахстан никто всерьёз не воспринимал. Так, придаток бывшей империи типа Белоруссии со своим удельным князьком во главе. Когда же началась заваруха с Украиной, Валера со своей компанией и вовсе стал в Питере королём манежа и практически опять осел в любимом городе, изредка навещая головную компанию в Астане. Конечно, возить якобы транзитом подсанкционные товары оказалось весьма рискованно, но риск этот по сравнению с рисками, в которых постоянно существовал бизнес в России, показался ему детским лепетом. Корпорация быстро сообразила о преимуще-

ствах регистрации бизнеса в дружественной стране и попыталась, было, сунуться в Казахстан со своими лавочками, но быстро отвалила. Против кланов не попрёшь, тоже своего рода корпорация. Зачем, спрашивается, кланам с кем-то делиться? Ведь в их карманы потекли совсем уже другие деньги, в разы большие, чем раньше. Валера в душе злорадствовал, но с Лёхой отношения поддерживал, тем более, что теперь им пришлось опять работать вместе на одной поляне.

В тот день они решили набухаться якобы по поводу наступающего Нового года. Почему якобы? Потому что Лёха хоть и набухивался постоянно, но никогда не набухивался просто так. Он предпочитал совмещать приятное с полезным. И Валера прекрасно понимал, Лёхино приглашение выпить по поводу праздника означает, что он представляет для бывшего партнёра интерес в каком-то деле, скорее всего деле мутном, потому что немутные дела обсуждаются обычно в офисе без набухивания, а то и вовсе по телефону.

– Тут подсобить надо хорошему человеку, – сказал Лёха как бы между прочим, когда они ещё только расположились за столом, уставленным дорогим бухлом и разнообразными закусками.

– Поясни, – попросил Валера.

Уж если подсоблять кому-то в нелёгком деле, то надо определённо знать, что этот некто тебя не кинет и под цугундер не подведёт.

Лёха напустил туману, из которого Валера с трудом понял, что упомянутый хороший человек не абы кто, и этот не абы кто очень заинтересован как бы в транзите товаров, так называемого, двойного назначения. Товары двойного назначения это вам не дорогая бытовая техника или элитное бухло, которое Валера возил с превеликим удовольствием, и которое с какого-то перепугу вдруг попало под запрет ко ввозу в страну-агрессор. Это дело серьёзное и чреватое последствиями. Правда, пока ещё непонятно какими, но то, что последствия непременно будут, и к гадалке не ходи. Лёха задвигал, что у хорошего человека всё схвачено, и контора-заказчик не липовая, и деньги солидные, и объёмы, и, что самое важное, регулярность поставок. Всё звучало довольно заманчиво, поэтому Валера пообещал подумать. Тот же Лёха в своё время научил его никогда сразу не соглашаться, особенно если с кем-то набухиваешься, а не в кабинете разговоры разговариваешь. Правда, основные прибыльные дела делаются именно в процессе этого самого набухивания.

Обсудив полезное, приступили к приятному. Ну и, соответственно, набухались. Лёха убеждал Валеру, что при любых обстоятельствах лоялен любому режиму и всегда находится вне политики. Он травил анекдоты, которых знал целое море. Валера не понимал, как в нынешней ситуации в России можно быть вне политики, но над Лёхиными анекдотами ржал, даже над самыми бородатými. Сами понимаете, алкоголь такой вот бессмысленной ржачке весьма способствует.

– Понимаешь, в этой стране надо уметь жить, приспособливаться, – поучал Лёха. – Ни за что никуда не уеду. Недвижка у меня там есть, вид на жительство тоже, если вдруг надо или захочу, поеду, но ненадолго. Деньги-то все тут! Там разве что-то заработаешь? Там и бизнеса-то такого нет. Они на тебя глаза таращат, не понимают, что такое таможенный брокер. У меня, кстати, невиданное дело: и пансионат мой раскрутился, народ в спа повалил, полная загрузка! Лохам-то границу закрыли с той стороны. В конце концов, если вдруг что, паспорт ваш казахский выправлю. Не знаешь скока стоит?

– У нас двойное гражданство запрещено, – наставительно сообщил Валера с чувством собственного превосходства.

– Ишь ты! Тогда возьми меня в партнёры. – Закинул удочку Лёха и посмотрел на Валеру абсолютно трезвыми глазами.

– Щас! А лицо у тебя не треснет? – Валера хоть и набухался уже, но держал ухо востро, с Лёхой иначе нельзя.

– У меня ничего никогда не треснет! Но ты, Валерка, везучий сукин кот.

– Можно подумать, ты неудачник.

– Я-то? Я самый неудачник, особенно с бабами. Ты вот даже не знаешь, как тебе повезло, что твоя от тебя слиняла.

– Почему же? Прекрасно знаю. Повезло! – Уж в чём, в чём, а в этом Валера спорить с Лёхой не собирался, он уже и сам сто раз поблагодарил Боженку за то, что тот так всё ловко устроил.

– Я и говорю, везучий ты чёрт. От баб самый вред. Всё им не так: то купи, это купи, туда вези, сюда вези. Я одну в Финку на дачу посадил, ей зимнюю сказку подавай, вторая в Дубаях вышивает, там общество и море, ей купаться надо. Сам вот в Швейцарию поеду, на лыжах покатаюсь. Без баб! – Лёха заржал. – Как тот мужик, который жене сказал, что к любовнице, любовнице, что к жене, а сам в библиотеку работать. Ты ведь жениться снова не собираешься?

– Упаси Боже, – Валера перекрестился.

– Правильно, молодец. Бабы на два типа делятся. Одни красивые, сволочи, аж дух захватывает. Эти рожать ни в какую не хотят. Зачем фигуру портить? А зачем ты мне сдалась тогда, спрашивается, когда кругом полно одноразовых с фигурами. Другие хитрее. Они нас, заразы, через детей цепляют, через них руки выкручивают. А детей у человека должно быть много. Иначе, зачем всё? Вот у тебя сколько детей?

– Один.

– Мало. У меня шестеро и это не предел! Хорошего человека должно быть много. Господь велел размножаться. Так что размножайся, Валерка, пока можешь, только не женись.

– Не буду.

В общем хорошо посидели, душевно. Валера выполз от Лёхи на Рубинштейна только к семи вечера. С тёмного неба валил мокрый снег. Валера подставил морду снегу и похмелье как рукой сняло. Кому-то мокрый питерский снег хуже горькой редьки, а кому-то лечебное зелье. Наверное, в Питере так много алкашей, потому что под этим вот снегом они моментально вылеживаются, трезвеют, после чего требуют продолжения банкета. Валера любил именно такую погоду, когда относительно тепло и решительно сыро. В эти моменты почему-то чувствуется, что город именно приморский, хотя моря тут толком, можно сказать, что и нету вовсе. Разве Финский залив с Маркизовой лужей можно назвать морем? У этого моря и цвет-то совсем не морской, а свинцовый на глубине или какашечный у берега. Да и климат тут коварен как нигде, и зимой запросто можно уши отморозить, это Валера хорошо запомнил ещё со времён своей учёбы в университете. С тех пор вот уже много лет он обязательно зимой в любую погоду надевает шапку и натягивает её на уши. Как же давно это было: отмороженные уши и физмат. И как всё изменилось! Город всё больше и больше становится провинциальным, и дело тут не в сталактитах и сталагмитах на тротуарах, просто деньги и отсюда, как и со всей страны, утекают в Москву. Несмотря на все потуги градоначальников завернуть финансовые реки на Питер, серьёзные деньги явно проходят потоком мимо, стараясь не задерживаться. Правда, вместе с деньгами в Москву утекает и жадное человеческое говно, что, по мнению Валеры, является большим плюсом. Ему даже иногда кажется, что в Питере в отличие от Москвы живут в большинстве своём приличные люди. Разумеется, приличные люди встречаются и в Москве, но процент их под наплывом любителей больших денег тает с каждым днём.

Валера шёл не спеша, внимательно обходя мраморные проплешины на узких протоптанных дорожках. Это ж какая тварь догадалась такое учинить?! Гололёдом Валеру, конечно, не удивишь, он вырос в Петропавловске, а для ходьбы по нечищеным питерским тротуарам у него выработалась специальная шаркающая походка на полусогнутых. Поспешись, людей насмешись, торопиться ему некуда, ведь Степаньчу нужно время, чтобы добраться до Рубинштейна по предновогодним пробкам.

Так он и шаркал по тротуару, сосредоточенно глядя под ноги, пока не упёрся в женщину, чуть не упал сверху. Она лежала поперёк дороги и смахивала на Жар-птицу со сломанным крылом. Такие женщины в метро не ездят и пешком не ходят, а особенно не валяются поперёк дороги. Таких принято возить на дорогих машинах. Она смотрела в небо, как давеча это делал он, и слёзы из её глаз смешивались с падающим снегом. Он наклонился к ней и по её испуганному взгляду понял, что выглядит так себе. Не воодушевил. Он огляделся по сторонам, чтобы позвать на помощь. Народ полз мимо, старательно обходя его и лежащую на дороге беспомощную женщину. Вот тебе и приличные люди. Хотя откуда бы на Рубинштейна им взяться? Приличные по домам сидят или на работе, а не по Рубинштейна шляются. Наконец, он выцепил какого-то пацана, и они вместе поставили её на ноги. Когда она на нём повисла, он и на ощупь понял, что не ошибся, женщина не рядовая. У таких обычно мамки-няньки, кавалеры. Однако никто к ней на помощь явно не спешил. Пришлось самому отдуваться.

В травме, куда Степаныч добрался удивительно быстро, не хуже скорой помощи, на неё все пялились. Даже озабоченные суровые доктора глазами зыркали, но на помощь тоже никто не спешил. Правильно говорит Лёха, в этой стране надо уметь жить, человек человеку волк, а маленькая красненькая пятёрочка решает все вопросы. Конечно, она морщилась от его зловонного дыхания, но ничего, придётся потерпеть. Небось не эльф и фиалками не испражняется. Когда с неё сняли шубу, Валера убедился, что его не подвели и ощущения наощупь. Со всех сторон хорошая женщина, качественная. И ноги! Всем ногам ноги, жаль одна сломанная, но он за доктором следил, чтоб правильно всё сложил. За докторами глаз да глаз нужен, а то как сантехник, пятёрочку возьмёт, репу почешет, а потом руками будет разводить, мол, так уж вышло. Хотя перелом по словам доктора вроде пустячный, могло быть и хуже.

Честно сказать, он даже обрадовался, что пришлось её домой везти, интересно посмотреть, в каких апартаментах такая проживает. Дом оказался неплохой, похуже его бывшего, конечно, но на уровне, в стиле того, где нынче находилась его съёмная квартира, бизнес-класс «минус», почти комфорт, зато в Центре. В Центре и комфорт не каждому бизнесу по карману. В квартире её никого не оказалось, ни мамок с няньками, ни кавалеров, ни телохранителей. Квартира хорошая, для одной явно великовата. Может тоже снимает? Или кто-то ей снимает, любовник какой-нибудь? Но уходить не хотелось. Хотелось остаться и заботиться. Ясно же, что ей требовалась забота, и совсем не из-за сломанной ноги, а, так сказать, в целом, комплексная такая человеческая забота.

Когда вернулся в машину, Степаныч проворчал, мол, нашёл себе проблем на одно место.

– Не скажи, Степаныч, – не согласился Валера, – хорошая женщина, я таких ещё не встречал.

Говоря это, он не соврал. Его бывшая, конечно, женщина не совсем рядовая, взгляд останавливает, но надолго не удерживает, а на эту смотрел бы и смотрел.

– Хорошие женщины на дороге не валяются, – отрезал Степаныч.

Пришлось согласиться.

Глава 3

Дорогое и блестящее

Утром ей позвонил Игошин и сообщил, что она всё-таки Лерочка и солнышко, а никакая не Валерия Сергеевна, и что примерно к часу он подъедет к своему солнышку и обцелует её всю. Лера тут же успокоилась и провалилась в сон. Разбудил её звонок в дверь. Она подскочила на кровати и глянула на часы. Без десяти час. Ругая на чём свет Игошина, она на одной ноге поскакала к двери. Знает же, что у неё перелом, неужели ключи потерял? А как же тогда в парадную попал? Хотя в последнее время, когда из экономии охранников сменили на консьержек, в парадную может попасть любой. Консьержки вечно открывают дверь всем подряд, вполне справедливо считая, что в такой солидный подъезд, кто попало не пойдёт. Прыгая мимо зеркала, она заглянула туда, и сама себе понравилась. Волосы, конечно, растрёпанные, и брови, следует признать, почти как у Гюльчатай, но она вся такая сонная и розовая, будто бы ей лет двадцать, никак не больше. Она распахнула входную дверь. За дверью оказался вчерашний незнакомец с костылями наперевес.

– Ох ты ж, ёмаё! – сказал он, увидев прекрасную розовую Леру, и зажмурился, даже одной рукой как бы от неё отгородился.

Ещё бы! Ведь на Лере ничего не было, кроме полупрозрачной кружевной рубашечки на тоненьких бретельках. Лера пискнула и резво ускакала обратно в спальню. Там она закуталась в длинный плюшевый халат и поскакала обратно.

Мужчина уже зашёл в квартиру и стоял на коврике в прихожей. Костыли он пристроил у стенки рядом с собой. На этот раз он был чисто выбрит и выглядел гораздо лучше и приличней вчерашнего, не такой помятый и зачуханный. Ещё бы эту шапку дурацкую с него снять, так и вообще вроде приличный мужик, даже симпатичный.

– Женщина, ты в следующий раз спрашивай, кто пришёл, прежде чем вот так гольшом на человека выскакивать. Хорошо, это я оказался, а у кого сердце слабое? Может не выдержать.

– Что вы тут делаете? – Лера почувствовала, что щёки у неё прямо пылают. Ещё бы! Она никак не планировала демонстрировать кому попало свои кружева и всё остальное.

– Тебя проведать пришёл, вот костыли принёс на всякий случай, вдруг у тебя нет. Хорошие костыли, лёгкие алюминиевые, и по росту подогнать можно. Но я б ещё вот это всё с удовольствием посмотрел, – он ткнул пальцем в сторону её груди, – там оказывается есть, что посмотреть, богато.

– Есть, да не про вашу честь, – сказала Лера, хорошо язык ему не показала. – Спасибо, конечно, за заботу, но вы не подумали, что я кого-то жду?

Если б не этот досадный инцидент с прозрачными кружевами, она вела бы себя совершенно иначе, была бы ему признательна, ведь позаботился. А так получается, будто он за ней подглядывать явился, любоваться её достоинствами.

– Кого же это ты ждёшь в таком виде? – Он нахмурился и глядел осуждающе, ни дать ни взять строгий папа из кинофильма. Как смотрит настоящий строгий папа, Лера не знала, так как с отцом своим знакома не была. Однако ей всегда хотелось, чтобы кто-нибудь беспокоился о ней так же, как папа в кино.

– Одного товарища. – Лера смутилась, не говорить же такому строгому папе, что с минуты на минуту должен пожаловать её любовник, он же и начальник. Никакому отцу такое не понравится.

– Так вот он я! Скажешь, не товарищ? Через весь город тебя тащил. Я и есть твой самый настоящий товарищ.

В этот момент в дверном замке повернулся ключ, и на пороге предстал Игошин с букетом красных роз.

– Вон оно чо, – сказал настоящий товарищ.

– Вы кто? – спросил Игошин.

– Доставка костылей населению, – отрапортовал незнакомец. – С женщины одна тысяча восемьсот рублей, вот чек. – Он полез в карман и предъявил мятую бумажку.

Лера взяла сумку на столике в прихожей, чтобы достать кошелёк.

– А картой нельзя оплатить? – поинтересовался Игошин.

– Картой нельзя.

– Странно. Лера, поддержи-ка цветы, – скомандовал Игошин и сунул Лере букет. Сам он достал из кошелёка две тысячи и протянул незнакомцу. – Сдачи не надо.

– Премного благодарен. – Мужчина взял деньги и слегка поклонился.

– До свидания, женщина, выздоравливай, – сказал он Лере и исчез за дверью. Тут Лера вспомнила про пять тысяч, и ей стало нестерпимо стыдно. Ещё и костыли притащил. Вон, Игошин-то належке, с цветочками, двести рублей человеку дал на чай, барин.

– Очень странно, – сказал Игошин.

– Что? – не поняла Лера.

– Как-то не похож этот мужик на курьера.

– У него нет коня и сапог-скороходов? – сказала Лера и сама себе удивилась. Раньше у неё никогда не получалось так складно врать, не моргнув глазом. Хотя, казалось бы, чего тут скрывать? Подумаешь, мужик оказал ей первую помощь, дотащил до дома и принёс костыли. Обычное дело. Ага! Кто в такое поверит? Игошин точно не поверит. Следовало уже признать, что Лера этому человеку с честной причёской определённо понравилась. Интересно, когда это произошло, когда она на тротуаре валялась или уже позже, когда он с неё шубу в травмпункте снял?

– Да какой-то взгляд у него хищный, совсем не курьерский, и парфюм дорогой. Наверное, померещилось. – Игошин снял своё элегантное пальто, ботинки, взял у Леры цветы и поставил их в вазу, и пока Лера осваивала и регулировала костыли, подгоняя их по росту, успел принять душ и нырнуть в кровать. Лера подумала, что только что ушедший настоящий товарищ наверняка помог бы ей с регулировкой костылей.

– Поторопись, солнышко, у меня мало времени, ты ж понимаешь, конец года.

– А тебя не смущает, что у меня нога сломана? – на всякий случай поинтересовалась Лера, не ожидавшая от него такой прыти.

– То ж нога, а не это самое, – Игошин хохотнул и похлопал по кровати рядом с собой.

Лера вдруг посмотрела на него каким-то новым взглядом как бы со стороны, она, конечно, всё понимала: и цейтнот в конце года, и то, что её перелом совсем не ко времени, но почему-то в голове встал вопрос, что же его на самом деле в ней интересует, неужели только, как он выразился, это самое? Наверное, это мама так на неё подействовала и бессонная ночь, проведённая в поисках смысла жизни.

Конечно, Игошин, как она и хотела, подарил ей блестящее. Уже собираясь выходить из её квартиры, он хлопнул себя по лбу.

– Чуть не забыл! – Он полез во внутренний карман пиджака и достал плоскую коробочку. – Это тебе, солнышко. С Новым годом, поправляйся.

Лера открыла коробочку, там оказалась золотая цепочка с цветочками из эмали. Вещь выглядела дорого. Днём раньше Лера, наверное, почувствовала бы себя счастливой, а сейчас её почему-то подташнивало. Странно. Однако Лера нацепила подвеску, растянула губы в улыбке и поблагодарила Игошина.

Закрыв за Игошиным дверь, она сообразила, что вчера весьма энергично опустошила свои запасы «корочек хлеба» в холодильнике, и тут же решила идти к Мальвине, раз у неё

теперь есть костыли. Вот где о ней как следует позаботятся, накормят, погладят по головке и пожалеют.

Мальвина проживала в соседней квартире вместе с мужем Мишенькой, домработницей Галиной Ивановной и той-терьером Барсиком. Будучи по профессии актрисой, она служила в театре на вторых ролях, озвучивала книги, фильмы и снималась в эпизодах на телевидении и в кино.

– Скромненько, – говорила Мальвина о своей актёрской карьере. – Зато узнаваемо, востребовано, все знают, но никто не завидует. Актёры редкостные завистники. Могут запросто напакостить, сглазить или порчу навести.

Однако на всякий случай, чтоб не напакостили, она постоянно носила на себе какие-то обереги, а на камине в гостиной у Мальвины красовался огромный фарфоровый двусторонний кукиш. Действительно, ведь дом её периодически полнился теми самыми пакостниками из актёрской среды и прочей богемой, того и гляди сглазят. Роли ей доставались разноплановые, справлялась она с ними, казалось, легко и непринуждённо, однако в жизни, несмотря на солидный возраст пятьдесят с гаком, она придерживалась амплу всеми обожаемой маленькой девочки, капризничала, делала вид, что категорически не приспособлена к ведению домашнего хозяйства, носила длинные кудрявые волосы распущенными и цепляла на них бант. Все капризы Мальвины оплачивал её супруг Мишенька, ювелир и антиквар, а нянчилась с ней и обслуживала всё семейство, включая той-терьера Барсика, домработница Галина Ивановна. Неизвестно кто и когда прозвал Мальвину Мальвиной, но прозвище прилипло к ней навсегда, и все многочисленные друзья и знакомые звали Мальвину только так. Взрослые дети Мальвины жили в Берлине, а сама Мальвина с мужем имели паспорта государства Израиль, что позволяло им беспрепятственно путешествовать по всему миру. Путешествовать Мальвина любила больше всего на свете и, если ей вдруг не удавалось собрать чемоданы и куда-то умчаться по возникшей внезапно прихоти, она начинала тосковать, впадала в депрессию и ныла. Поэтому эпидемию ковида Мальвина вынесла с большим трудом, хотя со своим паспортом могла запросто уехать куда-нибудь, но её не устраивал локдаун нигде. В локдаун жизнь замерла во всём мире, никаких тебе гостей, бурлений, культурной жизни, спектаклей, выставок и премьер. Мальвине требовалось общество, без него она чахла. Поэтому после окончания эпидемии она стремительно пронеслась по странам и континентам, городам и весям, в промежутках устраивая энергичное бурление у себя дома по соседству от Леры.

У домработницы Галины Ивановны своей семьи не было, поэтому она практически проживала у Мальвины, особенно, когда та путешествовала или уезжала на съёмки, оставляя мужа и Барсика на попечении домработницы. Однако полностью на обслуживании семейства Мальвины Галина Ивановна не закикливалась, а вела, как она говорила, ещё две квартирki. Но там она бывала строго по графику и только на уборке. Лера подозревала, что Галина Ивановна тем самым как-то поддерживает свою независимость от Мальвины и устраивает себе небольшой отдых от постоянных бурлений. Ей представлялось, что Галина Ивановна сидит в какой-нибудь только что убранной квартире как в японском саду камней и медитирует.

Лера познакомилась с Мальвиной в лифте, когда та возвращалась с прогулки с Барсиком. Оба они были одеты в одинаковые серебристые пуховые комбинезоны и сапоги дутики. Дутики на Барсике смотрелись уморительно. Лера никак не могла вспомнить, откуда ей так знакомо лицо соседки по лестничной площадке, поэтому она решила спросить её прямо. Мальвина в ответ рассмеялась и сказала, что, видимо, лицо это примелькалось Лере из телевизора, потом широко распахнув дверь в свою квартиру, сунула ей в руки Барсика, попросила раздеть бедолагу, а сама умчалась куда-то вглубь с криком, что прямо сейчас описается. Лера опешила, но выполнила порученное ей дело, после чего её познакомили со всеми обитателями квартиры и напоили чаем с волшебными пирожками. С тех пор Лера уже не представляла своей жизни без Мальвины и часто заглядывала к соседям, где ей были всегда рады. С Галиной Иванов-

ной она договорилась, по мере необходимости приглашать её прибираться. На «генералочку», как выразилась Галина Ивановна. Однако одной «генералочкой» дело не ограничилось, Лера крепко подружилась и с Галиной Ивановной. Может быть, свою роль сыграла близость квартиры Леры к квартире Мальвины, может быть, то, что квартира Леры, исполненная в стиле японского минимализма, после «генералочки» особенно хорошо подходила для медитаций, а может быть, то, что Лера по возрасту годилась в дочери обеим: и Галине Ивановне, и Мальвине.

Лера нацепила домашний как бы спортивный костюм, в котором обычно выходила к соседям, доковыляла до соседской квартиры и позвонила в дверь. Дверь ей открыла Галина Ивановна.

– О! Раненый боец! – воскликнула она. – Заходи, я как раз пирожков напекла, поспеши, а то Мальвинка все слопаёт.

За пирожки Галины Ивановны Лера была готова на всё. Настроение сразу улучшилось, и она резко поскакала в гостиную Мальвины.

– Лерочка, деточка, – запричитала Мальвина, увидев Леру на костылях, – как же это тебя угораздило?

– Как угораздило?! – проворчала Галина Ивановна, заходя следом. – Если б ты пешком ходила, то знала бы, как они убираются. Куда всех дворников дели?! Вопрос вопросов! Садись и рассказывай, – скомандовала она Лере. – А ты уже определись, курить или жрать!

Мальвина посмотрела на сигарету в одной руке, на пирожок в другой и со вздохом затушила сигарету в пепельнице. Галина Ивановна молниеносно подхватила пепельницу и тут же вернула её на место уже чисто вымытую.

Лера уселась за круглый обеденный стол и стала рассказывать о своих злоключениях, не забывая поедать вкуснейшие малюсенькие пирожки с курагой.

– Хороший мужик, держись за него, – сказала Галина Ивановна, когда Лера закончила свой рассказ, и подлила Лере чаю.

– Кто? – спросили хором Лера и Мальвина.

– Ну, этот, лысый, – пояснила Галина Ивановна, – даже костыли привёз, заботливый.

– Но он же мне совсем не нравится, – сообщила Лера. Хотя тут она покривила душой, в момент доставки костылей выглядел он уже гораздо лучше, но всё равно, у Игошина и пальто красивое, и вообще, Игошин это Игошин.

– С лица не воду пить, – глубокомысленно отметила Мальвина, – главное, чтоб человек был хороший.

– Кстати, про наше лицо-то мы и забыли! – воскликнула Галина Ивановна, положила на тарелку гору пирожков, поставила на поднос чашку с чаем, накрыла всё салфеткой и удалилась в недра квартиры. Видимо, понесла это всё тому самому хорошему человеку, с лица которого Мальвина не собиралась пить воду. Однако, на взгляд Леры, муж Мальвины Мишенька был вполне себе симпатичным дядькой, почти красавцем, только совсем старым, ну, знаете, как Марлон Брандо в роли Крёстного отца. Или вот ещё Шон Коннери тоже красивый старик. Наверное, Мальвина всё же имела в виду, что это Лере не надо с лица воду пить, потому что не всем же достаются такие красивые старики как её собственный. Лера задумалась, какой старик получится со временем из Игошина. Получалось, не очень, так себе старикашка, разве что, если в красивом пальто.

– А как же я за этого лысого буду держаться, если я даже не знаю, как его зовут? – поинтересовалась она у Галины Ивановны, когда та вернулась.

– Хороший вопрос. – Галина Ивановна пожала плечами. – В следующий раз не упускай, вдруг опять подвернётся.

– Как же! Подвернётся он, – грустно сказала Мальвина. – Хорошие люди на дороге не валяются. Ну, кроме нашей Леры, конечно.

– Даже если и подвернётся, – фыркнула Лера, – я всё равно другого люблю.

Она очень кстати вдруг вспомнила, что всё же испытывает к Игошину чувства. И не абы какие.

– Это ты про начальника своего, что ли? – уточнила Галина Ивановна, которая, как и Мальвина, была в курсе отношений Леры с Игошиным.

Лера кивнула.

– Не выдумывай. Ничего ты его не любишь. – Галина Ивановна налила себе чая в блюдце и шумно отхлебнула.

– Почему это?

– Человек в первую очередь любит себя, и когда ему самому хорошо. Только не каждый в этом даже сам себе признается.

– Не поняла. Как это? – Лера запихнула в рот очередной пирожок.

– Да, поясните, пожалуйста. – Мальвина подперла щёку кулачком, всем своим видом демонстрируя готовность внимательно слушать. – Люблю, когда Галина Ивановна объясняет, – пояснила она Лере.

– Вот посмотри на Мальвину. – Галина Ивановна ткнула пальцем в сторону своей работодателя. – Как по-твоему, ей хорошо живётся, её всё устраивает?

– Конечно! – Лера кивнула. Действительно, чем плоха жизнь Мальвины? Делает только то, что хочет, всем бы так.

– Вот поэтому она мужа своего и любит. Любишь мужа? Отвечай! – Галина Ивановна строго посмотрела на Мальвину.

– Очень, – сказала Мальвина и счастливо зажмурилась.

– А теперь ты честно скажи, тебе хорошо, тебя всё устраивает?

– Нет, мне плохо, – призналась Лера.

– Вот! – Галина Ивановна подняла вверх указательный палец.

– Что вот?

– Как ты можешь любить кого-то, когда тебе при нём плохо? Этот фраер просто не делает тебе хорошо. – Галина Ивановна смотрела на Леру с недоумением.

– Делает, но редко, – вступилась за Игошина Лера, – просто он женат, но любит-то меня. Я уверена, что он вот-вот уйдёт от жены и будет со мной, но пока он не может, обстоятельства такие, так получилось.

Мальвина расхохоталась.

– Кто б сомневался? – Галина Ивановна всплеснула руками и ухмыльнулась. – зуб даю, он никогда не уйдёт от своей жены.

– Как это не уйдёт? Вы б её видели! – возмутилась Лера.

– Зачем нам на неё смотреть? Даже если она кривая, косая, рябая и с костяной ногой, она всё равно всегда будет с ним в качестве прекрасного повода не жениться на разных секретаршах.

– Каких ещё разных секретаршах? – Тут Лера подумала, что она сама сейчас хоть и не кривая, и косая, но секретарша с костяной ногой, это точно.

– Таких! Кроме тебя есть же ещё секретарши, а ещё есть уборщицы, курьерши, официантки, бухгалтерши, не знаю, разные, но непременно хорошенькие. Не жениться же ему на всех. Думаешь, ты у него одна? Он же начальник!

– Конечно, одна! – Лера даже обиделась сначала за себя, потом за Игошина.

– Я бы на твоём месте не была так уверена, – припечатала Галина Ивановна. – Никак не пойму, зачем ты теряешь время с этим подозрительным типом?

– Человек, который врёт своей жене, врёт и всем остальным. Иначе и быть не может, – добавила Мальвина.

Лера расстроилась и надулась. Вдруг, и правда, она у Игошина не одна? Вдруг есть ещё толпа этих самых курьерш с официантками? Нет, не может быть! Лера вспомнила состав

финансового отдела и бухгалтерии их компании, потом мысленно изучила службу персонала. Нет! Никого подходящего не обнаруживалось даже в маркетинге, где, сами понимаете, всегда самые красивые девушки концентрируются. Ну, допустим, Лера у него действительно единственная и неповторимая, тогда чего тянуть кота за хвост? Не может же он любить свою корову! Если б любил, вокруг Леры не подпрыгивал бы, не вился бы как кот вокруг мышиной норы. Значит, корову однозначно не любит, а любит Леру. Но если б он любил Леру, то ушёл бы от своей коровы. Сделал бы Лере хорошо, как говорит Галина Ивановна. Ведь так? Значит, он и Леру не любит, а она сама, действительно, теряет с ним время. Такая вот логика и диалектика, как её ни крути.

– А с кем мне терять время? – поинтересовалась она у всезнающей Галины Ивановны.

– Разуи глаза и посмотри вокруг. Может, всё-таки найдёшь, кто сделает тебе хорошо, тут ты его и полюбишь сразу. Женщины так устроены. Они местами как кошки, любят из благодарности.

– Легко сказать, посмотри вокруг, – проворчала Лера. – Тут хоть как смотри, никого нету. Один мой Игошин, его шофёр Петя и вот ещё этот незнакомец лысый с перегаром.

– Этот незнакомец не с перегаром, а с костылями, – поправила Леру Галина Ивановна. – Хотя если пьющий, тоже ничего хорошего. Пьющие ненадёжные. Был у меня один пьющий, упаси, Господи. – Галина Ивановна с тяжёлым вздохом перекрестилась.

– А как же тренеры по фитнесу? – вдруг встрепенулась Мальвина. – У меня абонемент есть, я, правда, редко хожу, некогда мне, но там тренеры, я видела, мускулистые такие, маечки у них в обтяжку. Есть из кого выбрать.

– Совсем обалдела, что ты несёшь?! – рявкнула на Мальвину Галина Ивановна. – Что это за профессия такая, тренер по фитнесу? Опа-опа, два притопа! Он до ста лет в маечке скакать будет?

– Ну актёры же наши некоторые и до ста лет скачут по сцене как кони, правда, без маечек.

– Сравнила. То актёры, они ещё и текст какой-никакой знают. А тренер чего? Одним словом, спортсмены. Тьфу! Всех достижений-то: прыгнул дальше всех или пробежал. И вообще, их скоро всех мобилизуют, они ж здоровые, вот и будут бегать и прыгать, гранаты метать.

– Злая вы, Галина Ивановна, я думала только моих актёров ни в грош не ставите, так ещё и спортсменов. – Мальвина задумчивым взглядом окинула пустое блюдо из-под пирожков и засунула в рот сигарету.

– На себя посмотри! – огрызнулась Галина Ивановна. – Кто давеча учителей училками обзывал?

– Это не со зла, а потому что есть учителя и есть училки, воспитатели и воспиталки, актёры и актёришки, – наставительно сказала Мальвина. – В каждой профессии дураков хватает.

– Знаешь, спортсмен – так себе профессия, а я злая только на тех, кто ничего общественно-полезного не создает.

– Ну, да, я помню Райкина про балерину и динамо-машину к ноге, чтоб свет давала. – Мальвина хихикнула.

– А что? Хорошая идея, между прочим, при нынешних тарифах на электричество. Тебе бы тоже какой прибор приспособить, чтоб впустую не сутилась.

– Ой! Я ж и забыла, а как с этим быть? – Спихватилась Лера и вытащила на всеобщее обозрение из-под толстовки подарок Игошина. Что ни говори, вспомнив о нём, она испытала огромное облегчение. Такое всем подряд и кому попало не дарят. – Вот! Подарил на Новый год, а вы говорите курьерши и уборщицы! Или думаете, он всем официанткам такое дарит?

Лера смотрела торжествующе на удивлённую Галину Ивановну и Мальвину, глаза которой вдруг стали круглыми и засветились странным светом. Наверное, именно такие глаза и были у Булгаковской Геллы.

– Неужто Шопард?! – воскликнула Мальвина. – Это, и правда, дорого, очень дорого! Мишенька, Мишенька, – иерихонской трубой проорала она внутрь квартиры, – Иди, глянь, тут Шопард.

Надо сказать, что муж Мальвины, обычно не жалующий дамские посиделки, вдруг моментально возник в дверях. Видимо, этот Шопард действует на ювелиров как заклинание.

– Вы позволите? – Он посмотрел на подвеску Леры.

– Да, конечно, – Лера расстегнула замочек и протянула ему цепочку.

Он взял её в руки, покрутил, поднёс к глазам, потом наоборот отодвинул подальше.

– Это не Шопард, подделка, – он протянул цепочку Лере и исчез так же быстро, как появился. – Галина Ивановна, пирожки как всегда высший пилотаж, настоящие! – донеслось из коридора.

– Какая жалость. – Мальвина сочувственно посмотрела на Леру, цепляющую подвеску обратно на шею, и сунула в рот очередную сигарету. Глаза её утратили таинственное мерцание. – Но никто же об этом не догадывается, не все же ювелиры. Пусть думают, что Шопард.

– Да какая разница Шопард или не Шопард! – воскликнула Галина Ивановна. – Дался вам этот Шопард. Беда в том, что это цепь на шею, а не кольцо на палец.

– Точно, – согласилась Мальвина. – Тут не поспоришь. Любое колечко в твоём случае лучше самого навороченного колье.

Лера тяжело вздохнула, захотелось плакать.

– Не расстраивайся, будет на твоей улице и Шопард, тьфу ты, кольцо. – Мальвина погладила Леру по голове. – Тебе надо обязательно куда-нибудь уехать на праздники, сменить картинку, как говорится. Если я думаю, что Мишенька вдруг делает мне недостаточно хорошо, я всегда еду во Флоренцию. Ах, как же хорошо во Флоренции. Ты там была?

– Вот же ты балда! – сказала Галина Ивановна. – Какая Флоренция? Куда она поедет со сломанной ногой?

– Действительно, – согласилась Мальвина. – Что же это мы всё о грустном? Давайте лучше музицировать.

Она подскочила к роялю и сыграла «Чижика».

Тут Лере стало жалко несчастного чижики, а ещё жальче себя, свою ногу, стало обидно за недоступность Флоренции и не только. Она не выдержала и всё же расплакалась.

– Чего ты ревёшь? – удивилась Галина Ивановна. – Ты ж не башку сломала. Вот одна моя знакомая, тоже квартиры убирает, – пояснила она присутствующим, – шторы поправляла, так сверзилась с подоконника на пол, тут спина у неё и хрясь! Сразу работы лишилась. А у тебя и работа, и квартира своя хорошая. Коммуналка, в смысле платежа, конечно, не приведи Господь, зато соседи, вон, – она ткнула пальцем в сторону рояля с Мальвиной, – затейливые. Начальник опять же подарки делает, хоть и поддельные, но всё ж подарки. Не выгонит же он тебя с работы со сломанной ногой?

Лера помотала головой.

– Он тоже сказал, что я ногу сломала, а не это самое, – сообщила она сквозь слёзы.

– Ага! – Мальвина аж подпрыгнула у рояля. – Знаешь, что я тебе скажу, за это самое он тебе явно недоплачивает, за это самое мог бы и натуральный Шопард подогнать. Что?! – вопрос предназначался Галине Ивановне, которая тяжело вздохнула и укоризненно покачала головой.

– Приличные дамочки так не разговаривают, вот что. – объяснила своё поведение Галина Ивановна. – Но спать с начальником аморально. Тут я согласна.

– Девочки, как вы не понимаете! – возмутилась Лера. – Аморально, это когда не по любви, из корысти, а у нас с ним любовь самая настоящая. Он должен был в этот Новый год уйти из семьи ко мне.

При этих её словах Мальвина и Галина Ивановна многозначительно переглянулись.

– Бросить жену и несчастных деток в семейный праздник? – Галина Ивановна посмотрела на Леру как на умалишённую.

– «Я сама тебя придумала, стань таким, как я хочу!» – пропела Мальвина, аккомпанируя себе на рояле. – Мамой клянусь, а я её очень люблю, что ничего такого даже близко он тебе словами не говорил. Приходи к нам на Новый год, будет весело.

– А вы разве никуда не уезжаете? – удивилась Лера. – В Эмираты, к примеру. Там тепло и море.

– В Новый год? – Мальвина покрутила пальцем у виска. – У артистов самые заработки. Школьные каникулы, утренники, ёлки.

– Опять снегурить будешь? – поинтересовалась Галина Ивановна. – А ведь тебе уже сто лет в обед, пора бы и угомониться.

– Неправда ваша, тётяшка! Буду снегурить обязательно, и Бабой Ягой тоже. Я обычно стараюсь на две ставки. Могу и волком. Ууууу, – Мальвина очень убедительно завывала.

– На две ставки? Вот ты ж жадина какая. – Галина Ивановна расхохоталась.

– Я не за ради денег, я для тонуса. Актриса должна быть в тонусе. Думаешь, Мишенька на меня посмотрит, если я не в тонусе буду?

– Да все твои подружки, которым пенсию не дали, и у которых мужа такого богатого нет, тебя должны за это со света сжить. Людям, может, жрать нечего, а ей тонус подавай, – проворчала Галина Ивановна.

– У настоящей актрисы не бывает подруг в профессии. – Мальвина хихикнула, подскочила с места и чмокнула фарфоровый кукиш на камине. – И не в профессии тоже. Только дома няня типа вас, моя дорогая Галина Ивановна, наша приходящая писательница для пушного заплетания мозгов и вот младшее поколение по соседству. – Она подмигнула Лере. – А скажи, детонька, чего ты так из-за своего женатого начальника убиваешься? Какие твои годы? Ищи себе спокойно товарища, чтоб и в горе, и в радости хорошо с ним было. Желательно, конечно, с еврейским паспортом по нашим временам.

– Да, – согласилась Галина Ивановна. – Из-за чего весь кипеш-то? Или он, начальник твой, гигант большого секса? Помню, был у меня один ..., – Галина Ивановна мечтательно закатила глаза к потолку, – оргазмический товарищ, иначе и не скажешь!

– Ничего он не гигант, просто мне скоро тридцать уже, пора рожать, – пояснила Лера.

– Кого? – спросила Галина Ивановна, моментально перервавшая мечтательные воспоминания о своем оргазмическом гиганте.

– Детей, конечно.

– Дети – это такие ..., – Мальвина обхватила голову руками. – Я помню! Кашляют всё время, балуются, уроки, отметки, драки и всё такое, а ещё училки. – Она поморщилась как от горького. – Воспиталки и училки – самое неприятное, что может случиться с детьми. Нет, конечно, бывают нормальные учителя.... Где-то, наверное. Не знаю.

– Да, – согласилась Галина Ивановна. – У меня детей никогда не было, но я в курсе этой проблемы. Детей актрисы и другие шибко занятые делами дамочки обычно сдают бабушке, у которой уже есть пенсия. Как у тебя с бабушкой? Есть ли у неё пенсия?

– Да, сколько лет твоей маме? – поинтересовалась Мальвина.

– Не знаю, – честно призналась Лера.

– Как это?

– Эту тайну унесла в могилу её мама, то есть моя бабушка, у которой была пенсия, правда, маленькая, и которой меня мама сдала на воспитание, хоть и не актриса. Она бизнесмен, вернее вумен, ну вы понимаете. Вот. – Лера достала смартфон и показала всем фотку мамы. На этой фотографии мама сидела с бокалом белого где-то на открытой веранде ресторана на фоне пальм и моря.

– Красивая у тебя мама, – сказала Мальвина, потом добавила, – почти как я была в этом возрасте. Ей тут лет тридцать пять?

– Это недавно, в этом году, в сентябре, – пояснила Лера.

– Не может быть! – Мальвина нашарила на груди очешник на цепочке, нацепила на носочки и снова уставилась в смартфон. – Кому она душу продала? Я тоже хочу.

– Не мели ерунды, – рыкнула на неё Галина Ивановна, увеличивая фотографию. – Но это точно даже близко не бабушка. Факт! Так что, Лера, придётся тебе самой выкручиваться. Подумай хорошенько, так ли уж нужны тебе эти дети, чтобы из-за них во все тяжкие пускаться?

– В любом случае у тебя еще есть в запасе пара-тройка годочков, – добавила Мальвина. – Эх, где мои тридцать? Я бы сейчас ух!

– Чего ух? – поинтересовалась Галина Ивановна со скепсисом в голосе.

– Не знаю, – Мальвина задумалась. – Во Флоренцию поехала бы.

– А сейчас, кто тебе мешает?

Глава 4

Откуда берутся русские

Всю ночь из головы у него не шла вчерашняя женщина. Жалел, что не спросил телефончик. Странное, невиданное дело! Чем она его так зацепила, и почему ему вдруг захотелось заботиться о совершенно постороннем человеке? Как там она? Может, пожрать ей надо принести, или костыли? Как раненому без костылей? Утром он позвонил секретарше Наде, попросил добыть костыли и передать их Степанычу, когда тот поедет за ним. Он тщательно побрился и привёл себя в порядок. Когда спустился к машине, Степаныч сидел там с недовольным видом, на заднем сиденье лежали костыли.

- На вот чек, тысяча восемьсот, Надя взяла из хозрасходов.
- Доброе утро! Чем ты недоволен? – поинтересовался Валера для порядка.
- Чем? Чем? Чует моё сердце, это не баба, а сплошной головняк.
- Вот это уже совсем не твоё дело.
- Это точно. Куда прикажете, барин?
- Туда, где вчера стужали, костыли отвезём.
- Слушаюсь и повинуюсь.

Дверь в подъезд он миновал беспрепятственно, просто нажал на кнопку вызова охраны и сообщил, что доставляет костыли. Консьержка, не отрываясь от телевизора, впустила его. Да уж, самая надёжная охрана – бабка с чаем и телевизором. Явно на охране в этом доме почти бизнес-класса стали экономить недавно, так как всё свидетельствовало о том, что охранное помещение в доме строилось не под бабку.

Он звонил в знакомую дверь, прижимая к себе костыли, и слегка волновался. А ну как откроет ему двери какой-нибудь мужичок? Но нет, дверь широко распахнула она сама, причём в практически голом виде. Из одежды только нечто типа паутинки на теле. Интересно, она всем так двери открывает? Может, шалава? Не хотелось бы. Однако зрелище его впечатлило и очень ему понравилось. Она при виде его явно опешила, что не могло не порадовать, застеснялась и покраснела, значит, не шалава. Ускакала куда-то в недра одеваться, но костылям определённо обрадовалась, и он понял, что очень даже угадал. Но тут же, как заказывали, пожаловал манерный мужичок, из фраеров. Всем хорош, только уж больно на жабу смахивает. Молодой, конечно, для полноценной жабы, но лучшее у него впереди, а пока жабик, иначе не скажешь. Букет притаранил. Денег даже Валере на чай от щедрот своих целых двести рублей отслюнявил, вот Надька обрадуется, в приход запишет. Ну, да! А чего он хотел? Ведь ежу понятно, что такая женщина не может вдруг оказаться сама по себе без какого-нибудь жабика на подтанцовке. Вот только где это чучело было вчера, когда ей помощь требовалась, и чего она с этим букетом делать будет? Разве что нюхать его. Ну, или пожевать с голодухи.

- Конечно он расстроился, и Степаныч по его физиономии всё понял.
- Нас не ждали, а мы и припёрлися, – с усмешкой прокомментировал он.
- Ехай, давай, – скомандовал Валера.
- А костылики-то взяла, – заметил Степаныч. – Вот бабьё, своего ни за что не упустят.

На следующий день Валера, как и планировал, улетел в Астану. По прилёту сначала отоспался как следует, чтобы адаптироваться к часовому поясу. Организм, казалось бы, уже должен привыкнуть, ан нет, сопротивляется каждый раз. Поэтому он взял за правило приезжать заранее и всегда высыпаться, прежде чем приступать к делам или лететь дальше, к примеру, в Китай или в Алматы. С утра посетил головной офис, нахмурил брови, как говаривал Лёха, описывая тонкости руководства коллективом, повидался с Алиханом. Хорошо, Алихан не Лёха, с ним, чтоб дела обсудить, выпивать не надо, он в рот не берёт. Сходил на могилу к родите-

лям, почему-то потянуло его туда, а раз тянет, нельзя себе отказывать. С кладбища отправился сразу к бывшей жене за сыном Егоркой, чтобы транспортировать его к морю во Вьетнам. Там и Новый год они встречать будут. Новый год ведь праздник семейный, а у Валеры остался один единственный родной человек – Егор.

Во Вьетнаме у Валеры было любимое секретное место, где в январе было по-настоящему жарко, вода в мелкой гавани хорошо прогревалась на солнце, а главное совсем не было русских, там отдыхали в основном финны. Живя среди русских, ведя с ними дела, в конце концов, будучи сам русским, Валера категорически не любил с ними отдыхать, считал, что это уже перебор. Тем более, что некоторые русские на отдыхе вели себя зачастую как варвары, дорвавшиеся до цивилизации. Казахи, конечно, тоже ещё тот сладкий сахарок, но им традиции не позволяют так распоясываться даже на отдыхе, вернее, тем более на отдыхе.

Родители бывшей жены ничего не имели против общения Валеры с сыном, наоборот, считали, что он слишком мало времени уделяет ребёнку. Слово родителей для бывшей имело существенный вес, поэтому ребёнка она ему выдавала хоть и с кислой рожей, но по первому его требованию. Увидев в очередной раз красивое, но капризное и недовольное личико бывшей, Валера лишний раз убедился, что ему, и правда, повезло, что они расстались. А представив лицо прекрасной незнакомки со сломанной ногой, которая, пожалуй, гораздо краше и интересней его бывшей, он сразу вспомнил слова Лёхи, что все беды от баб. Вот и Степанычу она сразу не понравилась, а Степаныч мужик возрастной, повидавший. Кроме того, ещё есть замечательная поговорка «не делай добра, не получишь зла». В следующий раз, увидев женщину в беде, он ни за что ей помогать не будет. Пинать ногами тоже, разумеется, не станет, но и помогать ни в коем случае. Пусть им мужички собственные помогают. Он тут же придумал про неё всё-всё-всё, причём в красках. Скорее всего она корыстная содержанка, разве же можно искренне любить такого вот жабика? А жабик наверняка женат и снимает ей квартиру, иначе Валера заметил бы накануне следы его проживания. Он внимательно всё осмотрел, но никаких мужских тапок, шмоток, бритв и зубных щёток не обнаружил. Значит, жабик её просто навещает периодически. Хорошо, если только он один. Вдруг их у неё несколько, таких жабиков? Хотя это уже, наверное, перебор. Или нет? Уж очень она красивая для приличной женщины. А ещё придумал, что она глупая, ведь не может же красивая женщина быть умной. Красивые обычно дурочки, вон хоть его бывшую взять. У неё все умности исключительно от родителей. А ещё та женщина наверняка жадная и сосёт из жабика деньги насосом. Они, дурочки эти, вроде дуры дурами, но про деньги всё очень хорошо понимают. И как только мужики могут долго с дурами вместе жить? Валеру бывшая стала раздражать примерно через год после свадьбы. Поначалу-то он умилялся, ему нравилось объяснять ей непонятное, непонятного было много, практически всё. Ага! Нравилось, пока до него не допёрло, что всё это игра в одни ворота. Вернее, разговор с пустотой. От пустоты же никакой обратной связи не дождёшься. Потом ребёнок появился, опять же крыша у неё в виде родителей за спиной. Да уж. Выходит, он, и правда, легко отделался. А про эту со сломанной ногой надо плюнуть, растереть и забыть.

– Я сам собирался, – с гордостью сообщил Егорка, натягивая на плечи рюкзачок. Кроме рюкзака к ребёнку прилагался и маленький чехол на колёсиках.

– То есть взял одни книжки, – предположил Валера.

– Нет, мама сказала, книжки не брать, у тебя есть планшет. У тебя же есть планшет?

– Конечно.

– Это хорошо.

– Трусы не забыл положить? – на всякий случай полюбопытствовал Валера, так как в прошлый раз ребёнок ему достался без запаса нижнего белья, правда тогда его собирала мама, забыла положить.

– Взял. И трусы, и носки, и шлёпки.

– Прекрасно!

В самолёте, разглядывая пассажиров, ребёнок спросил:

– А ты знаешь, что мы не казахи?

– Догадываюсь.

– Как так получилось? Все казахи, а мы нет.

– Давным-давно в далёкой-далёкой галактике мы все жили в одной большой стране. Твой дед выучился на инженера и его послали работать в Петропавловск Казахский на Тяжмаш, главное не путать, есть ещё Петропавловск Камчатский.

– Там живут камчаты?

– Камчадалы.

– Они как казахи?

– Примерно.

– И как же я такой русский получился? Рассказывай дальше.

– Бабушка твоя работала медсестрой и поехала вместе с дедом в Казахстан.

Тут Валера вспомнил постоянные родительские скандалы на этой почве. Мать считала себя чуть не женой декабриста, вынужденной поехать за мужем в эту жопу мира, Мухосранск, Зажопинск и так далее. Но Егорке об этом знать ни к чему.

– Они любили друг друга, – соврал он, не краснея, – и у них получился я.

– Из живота? – уточнил Егорка.

– Разумеется. Бабушка с дедом были русские, вот и я получился русский.

– А мама? Дед Егор тоже инженер?

– Нет. Дед Егор работал в Казахстане по партийной линии и руководил комсомольцами.

– Кто такие комсомольцы?

– Молодые коммунисты.

– А, я знаю, я у деда видел трёх коммунистов на картинке. Они такие бородатые, во. – Егорка показал руками окладистую бороду. – Только у одного борода маленькая, он самый молодой, но лысый почти как ты. А бабушка Света кем руководила?

– Она ..., – Валера на секунду задумался.

– Знаю! Она дедом руководила. – Егорка залился счастливым смехом.

– Точно! – согласился Валера. Лучше профессию его тёщи и не определишь. Как говорится, устами младенца.

– Я понял. Бабушка Света с дедом Егором тоже любили друг друга и появилась мама из живота.

– Примерно так.

– Вы с мамой любили друг друга?

– Конечно, иначе откуда бы тебе взяться?

– Я понял, русские берутся из живота.

– Казахи тоже, только из другого, из казахского.

– Вы теперь с мамой друг друга не любите, мама теперь папу Сашу любит.

– Да.

– Наша Люся тоже из живота.

– Да.

– Но ты тут ни при чём?

– Нет.

– Жалко. Люся вредная и капризничает.

– Она маленькая. Ты же её не обижаешь?

– Нет. – Егорка тяжело вздохнул. – Девочек нельзя обижать. Не знаешь, почему?

– Правило такое. Считается, что они слабые, – сказал Валера и вспомнил мать. Та запросто словом могла убить.

В этот раз в малюсеньком отеле всё же оказалась семья русских из Москвы, просочились как-то. Их мальчик был одного возраста с Егоркой, пацаны подружились, и Валере, хочешь не хочешь, пришлось общаться. Мамаша сразу сообщила, что она стоматолог, а папаша о своём роде деятельности помалкивал, но во взоре его Валера учуял погоны. Странно, что их ещё куда-то выпускают. Значит, не рядовой или в отставке. Может, и вовсе таможня. О себе он тоже распространяться не стал, правда, сын радостно сообщил новым знакомым, что они с отцом из Казахстана, но не казахи.

– Это заметно, – согласилась мамаша-стоматолог.

Она оказалась очень коммуникабельной особой и через пару дней уже раскланивалась с постояльцами как со старыми знакомыми, несмотря на то, что иностранцы посматривали на граждан страны-агрессора с большим подозрением.

– За что они так нас не любят? – недоумевала она.

– А за что вас любить? – усмехнулся Валера. – Нет, лично вас любить можно и нужно, вы женщина со всех сторон положительная, но любовь штука взаимная. Правильно я говорю?

– Ну, да, – осторожно согласилась стоматолог, явно не понимая, к чему он клонит. Вдруг домогается?

– Вот! А вы же сами никого не любите. Вокруг вас все враги: чурки, чучмеки, косоглазые, кушумешки, хохлы, бульбаши, чёрные, пендосы и, страшно даже повторить, как вы евреев называете. Всем бомбой ядерной грозите. Вот вас все не любят и боятся. Ну, и завидуют, разумеется.

– Чему? – стоматолог сделала круглые глаза.

– Ну, не знаю, – Валера пожал плечами. – Так кажется у вас по телевизору говорят. Вы же из Москвы, а Москва порт семи морей, столица мира, пуп земли. У вас нефть и газ, золото и алмазы. Как же вам не завидовать-то? Вам даже вся остальная Россия завидует, бордюрам вашим.

– Ну, мы телевизор не смотрим, на бордюрах не наживаемся, в политику не лезем! – провозгласила стоматолог обиженно. – Просто ждём, когда это всё закончится.

– Как от политики не отворачивайся, она всё равно в ваш холодильник залезет, особенно если у вас нет бордюрного бизнеса, – заметил Валера.

– Ничего подобного! Просто временные трудности на местах, – сообщила стоматолог. – Выкрутимся, и всё наладится. Магазины работают, самолёты летают, зубы люди лечат, подумаешь, в Европу не поехать. Жили мы как-то раньше без этой Европы.

– Ну, без туалетной бумаги тоже как-то раньше жили.

– Не сравнивайте. Бумага на месте, никуда не исчезла.

– А санкции?

– Санкции? Всё необходимое есть. А без колы и фастфуда американского дети только здоровее будут.

Она явно не понимала, что всё только начинается, и мир уже не будет прежним. С другой стороны, с такой профессией не пропадёшь. Выучится на китайском оборудовании работать. Возили, везут и будут возить при любом режиме, уж кому как не ему об этом знать!

– А вы, кстати, рассуждаете как русофоб, – припечатала она и торжествующе поглядела на своего супруга.

Суровый супруг промолчал, но смотрел на жену с одобрением.

– Так я он и есть! – согласился Валера. – Сам себя боюсь, особенно когда в зеркале вижу.

Валера опять вспомнил Лёху. Да, все деньги там, в России. Пока. Он даже слегка устыдился, что участвует в процессе. Стоматолог хотя бы людям зубы лечит, а вот он, выходя, наживаясь, помогает режиму выживать. Ещё и осуждает бывших соотечественников. А кто он такой, чтобы их осуждать? Он тоже рождённый в СССР и должен понимать, что на власть люди никак не влияют, это невозможно, власть просто пережидают как плохую погоду. В России

нынче тучи ходят хмуро, зато в Казахстане оттепель. Надолго ли? Кому-то повезло родиться на свободе, к примеру, в Бостоне, а кому-то нет. Большинство населения постсовка вообще не понимает, что такое свобода, и зачем она нужна. Им привычно, что власть определяет, где им отдыхать, что делать в свободное время, что смотреть по телевизору, чем питаться, чем лечить зубы, на чём ездить, с кем и где жить. Даже с кем можно спать, а с кем нельзя. Поэтому для свободы здесь нужны деньги, гораздо больше денег, чем в свободном мире. А деньги, как известно, не пахнут. Тем более, что в Европе тоже пока никто от русской нефти отказываться не собирается, а если б кое-кто не выпендривался, так и газ бы покупали за милую душу. Это очень несправедливо, но это факт. Никто не хочет отказываться от привычной жизни, и получается, всем плевать на гибель людей, особенно если это где-нибудь далеко. Своя рубаха ближе к телу. Ну да, очень удобное объяснение для того, чтобы дать Лёхе своё согласие на помощь тому самому хорошему человеку, которому столь необходимы товары двойного назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.